

Ольга А. Прохватилова (Волгоград)

Императивная парадигма современной духовной речи

✦ Ключне речи:
*современная духовная речь,
 православная проповедь,
 молитва, каноническое
 императив, неканоническое
 молитвенное чтение,
 гиперкоммуникация,
 асемантичность
 звучания, «небесспорные»
 императивные формы,
 семантика императива,
 интонационные модели.*

У раду се разматрају глаголки облици за изражавање значења императивности у текстовима молитвословља и проповеди, описује семантика императивних облика који функционишу у духовном језику, утврђује спецификум звучања императивних исказа у савременој православној проповеди, као и у молитвословљима при канонском и неканонском читању.

В жанровом многообразију духовној речи молитва и проповедь занимают особое место. Их объединяет внутренняя диалогичность, ибо молитва – беседа человека с Богом, а проповедь – обращение «одной души к другой». Вместе с тем можно назвать ряд характерологических свойств рассматриваемых композиционно-речевых форм, которые определяют их жанровую противопоставленность и обуславливают специфику звучания. Для молитвы это каноничность, изначальная заданность

текста, внутренняя сосредоточенность говорящего. Для проповеди – авторизованность, творческий характер слова пастыря (несмотря на существование регулярно публикуемых в богословской литературе образцов), отсутствие отстраненности, непрерывный учет реакции слушающих, контроль за восприятием произносимого.

В ряду языковых единиц и категорий, влияющих на создание жанровой специфики молитвы и проповеди, особое место занимает императив, семан-

Стил 2008

тика которого, как известно, связана с выражением побуждения, обращенного к одному или нескольким лицам. Цель данной работы состоит в определении состава императивной парадигмы в молитвенных и проповеднических текстах и ее просодической реализации. В качестве материала использованы расшифровки магнитофонных записей духовной речи из фонотеки автора.

82

Анализ состава форм, входящих в императивную парадигму молитвенных текстов, обнаруживает ее двучленность. Основной корпус составляют глаголы 2-го лица единственного числа, например: *Богородице Дева, радуйся...*; *Моли Бога о мне...*; *помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей...*; *Господи, помилуй; спаси люди Твоя, Господи, и благослови достояние Твое, исправи я и вознеси их веки...*

Кроме того, в молитвах отмечается употребление аналитических императивных форм: сочетаний спрягаемой формы глагола в 3-м лице единственного числа с синтаксической частицей 'да', например: *...да отпустит согрешения моя...*; *да накажет мя где по Своей неизреченной милости...*; *да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли*. При этом значение императива – побуждение к действию, обращенное к одному лицу, – обычно не имеет акустического выражения и не актуализируется в звучании молитвы, особенно при *каноническом* молитвенном чтении (о типах молитвенного чтения см.: Прохвятилова 1999, 2007).

Между тем, в русской звучащей речи интонация принадлежит важная роль в системе средств выражения императивности. Общеизвестным считается положение о том, что высказывания, передающие волю говорящего, оформляются особой, типичной для них побудительной

интонацией. В. В. Виноградов утверждал, что в системе повелительного наклонения интонация является «органической принадлежностью глагольных форм» и поэтому «те же грамматические формы без императивной интонации могут быть лишь грамматическими «омонимами» повелительного наклонения» (Виноградов 1986: 479).

Грамматистами отмечается способность интонации передавать оттенки значений отдельных императивных форм. Так, например, авторы Русской грамматики 1954 года подчеркивают, что формы 3-го лица характеризуются особой интонацией, отличной от повелительной интонации форм 2-го лица (Русская грамматика 1954: 1, 496). Высказывается также мнение о том, что интонация, наряду с лексическим значением глагола и контекстом, принимает участие в конкретизации значений волеизъявления, поскольку такие оттенки побуждения, как требование, просьба, совет, увещание и т.п., не имеют специальных грамматических средств для своего выражения (Русская грамматика 1980: 1, 624). Способность интонации выражать семантику побуждения подтверждают специальные исследования звучащих побудительных предложений (см.: Вербицкая 1964; Брызгунова 1967; Цеплитис 1974; Королева 1989; Гарцов 1997; Безяева 1998, 2002 и др.).

Описание акустических характеристик русской побудительной интонации впервые было предложено Л. А. Вербицкой, которая на основе сопоставления мелодики повествовательных и побудительных предложений выявила такие особенности в мелодическом контуре последних, как более высокий уровень тона в начале предложения, во-первых; более низкий уровень тона на последнем ударном гласном во фразе, во-вторых, и более

широкий интервал тональных изменений, в-третьих (Вербицкая 1964).

По данным других исследователей, акустический признак, связанный с крутизной мелодических интервалов, является релевантным для интонации побудительных высказываний не только русского, но и латышского, украинского, английского и других языков (см.: Musdienu 1962: 159; Цеплитис 1974: 184–185; Королева 1989: 80–81).

Дальнейшее изучение интонации императивности показало, что разнообразие видов побуждения и отсутствие четких границ между ними не позволяют выделить один тип интонации, общий для всех предложений с семантикой побуждения. Интонация, входя в число средств выражения императива, отличается разнообразием акустических характеристик, что позволяет ей в зависимости от контекста и лексического наполнения императивного высказывания конкретизировать в речи различные значения побуждения. С наибольшей определенностью эта точка зрения сформулирована в Русской грамматике 1980 года (Русская грамматика 1980: II, 115–116).

Вместе с тем в исследованиях последнего десятилетия, которые посвящены изучению и описанию просодических параметров русской речи, свойственных коннотации императивности, отмечается, что наряду с мелодикой инвариантными средствами выражения побуждения являются громкость, темп, паузация и акцентная выделенность (Потапова 1997: 33–34).

По нашим наблюдениям, при каноническом молитвенном чтении семантика императива (побуждение к действию) и его частные значения, актуальные для молитвенных текстов, – просьба, мольба, пожелание, приглашение – обычно не

эксплицированы средствами просодии. Это проявляется прежде всего в том, что императивные предложения мелодически не противопоставлены высказываниям других коммуникативных типов. Так же, как при оформлении утверждения и вопроса, в императивных высказываниях используются все интонационные модели, выделенные нами в каноническом молитвенном чтении.

Как показывает анализ материала, имеющегося в нашем распоряжении, предложения с формами повелительного наклонения могут оформляться моно-мелодической моделью, например:

*Го^{PC}споди, помилуй/ (121S); ...но
изба^{PC}ви нас от лукаваго/ (242N);
Бо^{PB}же, очисти мя грешнаго/...
(61M); ...очи^{PB}сти, Господи/
скве^{PB}рну души моя/... (69R); ...не
отве^{PB}ржи мене от Лица Твоего/...
(214T).*

Как видно из транскрипции, во всех высказываниях с императивами использованы двувершинные варианты моно-мелодической интонационной модели, для которых характерно произнесение минимального речевого отрезка на ровном среднем (PC) или ровном высоком (PB) тоне в сочетании с удлинением гласных.

Синтагмы, в состав которых входят императивные конструкции, в каноническом молитвенном чтении могут произноситься по нисходяще-восходящей интонационной модели (нв), которая включает средний ровный тон в довершинной части, понижение тона на гласном (ударном или безударном), предшествующем вершинному, и повышение тона на гласном вершины (интервал тональных изменений, как показывает

инструментальный анализ, может составлять от 20 до 45 Hz); завершинная часть произносится на высоком ровном тоне. Например:

84

...и не введи^{НВ} нас во искушение/... (242N); ...Святы^{НВ}и, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради/ (272R); ...и оста^{НВ}ви нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим/... (242N); ...и спаси^{НВ} мя,/ яко Человеколю^{НВ}бец/ (69R).

Повелительные предложения могут озвучиваться в каноническом молитвенном чтении с помощью восходяще-нисходящей модели (вс), которая представляет собой последовательность среднего ровного тона в довершинной части, восходяще-нисходящего движения тона на вершинном слове и среднего ровного тона в завершинной части, например:

Поми^{ВС}луй нас, Боже,/ Повели^Встель, милости Твоей молимся, Боже Святы^Вй/... (254F).

По нашим наблюдениям, императивные конструкции могут оформляться при каноническом молитвенном чтении и восходящей интонационной моделью (В), например:

...Го^Всподи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша/... (272R); Святы^Вй Боже, Святы^Вй крепкий, Святы^Вй бессмертный, помилуй нас/ (291M).

Приведенная транскрипция показывает, что фрагменты с формами повелительного наклонения оформлены вос-

ходящими интонационными моделями, в которых вершина располагается на первом ударном слоге синтагмы.

Анализ материала обнаруживает, что при каноническом молитвенном чтении в мелодическом оформлении не дифференцированы частные значения императива. Сравните, например, звучание высказываний с императивом, значения которых на лексико-грамматическом уровне конкретизируются как «пожелание» (1) и «просьба» (2):

(1) *...да прии^{РС}дет Царствие Твое/... (242N); ...да будет во^Вля Твоя/... (242N); ...да святы^{НВ}тся имя Твое/... (242R);*

(2) *Бо^{РС}же, милостив буди ко мне грешному/ (59M); ...Пресвята^Вя Богородице,/спаси^В нас/ (266F); Пресвятая Тро^{НВ}ице, помилуй нас/... (272M).*

Приведенные примеры иллюстрируют интонационную непротивопоставленность таких частных императивных значений, как пожелание и просьба, которые в русской звучащей речи передаются особыми типами интонации (см.: Русская грамматика 1980: I, 114; II, 116; Безяева 1998).

Для *неканонического* молитвенного чтения, как показывает анализ имеющегося в нашем распоряжении материала, характерно более последовательное участие интонации в выражении смыслового значения высказывания и его частей. Так, например, в этом типе молитвенного чтения дифференцируются частные императивные значения в побудительных конструкциях, а именно: мелодически разграничены значения «пожелания» и «просьбы». Например:

- (1) Да^{ВН}й мне, Господи/ ... (141С);
- (2) Го^Нсподи,/ спаси^{ВН} нас/ (126L);
- (3) Храни вас всех Госпо^Ндь/ (339J).

Как видно из транскрипции, семантика просьбы передается в (1), (2) моновершинным вариантом восходяще-нисходящей модели (ВН), соотносимым с ик-3 в системе интонационных конструкций, предложенной Е. А. Брызгуновой, что соответствует интонационным нормам передачи просьбы в современной звучащей речи (см.: Русская грамматика 1980: II, 115–116). Значение пожелания в /3/ манифестируется акцентной модификацией нисходящей интонационной модели, соотносимой с ик-2, что тоже соответствует современным нормам оформления требования (см.: там же).

Выявленная в результате анализа звучащих молитвословий индифферентность интонации к выражению смыслового, коммуникативного значения высказывания в каноническом молитвенном чтении объясняется, на наш взгляд, тем, что молитва реализуется в особом виде общения, который мы называем *гиперкоммуникация*. При гиперкоммуникации Адресат речи имеет особый статус, что исключает самоадресацию и, значит, автокоммуникацию (подробнее см.: Прохватилова 1999, 2000). Важнейшим свойством гиперкоммуникации является тенденция к асемантичности интонационного оформления молитвы. При этом, по нашим наблюдениям, характер соотношения семантики и звучания дифференцируется в зависимости от типа молитвенного чтения и находит выражение в ритмизации звукового оформления молитвословий, степени координации интонационного членения молитвы и ее синтаксической структуры, участии интонации в передаче смыслового содержания высказывания.

Гиперкоммуникация становится возможной благодаря особому восприятию сакрального текста, которое свойственно православному мировоззрению и состоит в осознании сакрального Слова как воплощения Божественной сущности Спасителя (см.: Трубецкой 1900; Аверинцев 1971: 213; Куссе 1995: 80; Бахтина 1998: 68). В терминах семиотики такое отношение к языковому знаку определяется как его неконвенциональная трактовка, при которой знак интерпретируется не как «условное обозначение некоторого денотата, а как сам денотат или его компонент» (Мечковская 1996: 73; см. также: Лотман, Успенский 1973: 284–288).

Восприятие молитвенного Слова как некоей субстанции, вещественности и сакральной реальности формирует и особые приемы его звукового воспроизведения, описание которых можно найти в наставлениях Святых Отцов, обращенных к тем, кто впервые приступает к молитвенному чтению: «Читать следует просто, с благоговением, в один тон, без излияний своих чувствований посредством изменений голоса. Предоставим святым молитвословиям действовать собственным их духовным достоинством на слушателей» (Желающему поступить в монастырь 1996: 29).

Рассмотрение парадигмы императивных форм *проповеди* обнаруживает, что по своему составу она значительно шире, чем в молитвословных текстах. При этом наибольшая частотность наблюдается в употреблении форм 2-го лица множественного числа. Они выражают побуждение к действию, обращенное к нескольким лицам, и указывают на коллективный характер адресата проповеди: *...поделитесь радостью/ своей душевной сердечной радостью со своими близкими/... (II);...не бойтесь никого/ кроме Бога одно-*

го/ проезжая мимо храма/ **не стесняйтесь/ осените себя крестом/...** (38С).

Наряду с основными императивными формами 2-го лица множественного числа для выражения значения побуждения в речи проповедника широко используются и «небесспорные» формы императива (см.: Типология 1992) – формы 1-го лица множественного числа; 3-го лица единственного числа с частицами «пусть» и «да», среди которых наиболее употребительны синтетические и аналитические формы 1-го лица множественного числа, имеющие семантику «совместности действия», то есть «участия говорящего в адресатах «приказа»» (Зарецкая 1976, 51), например: ... **поэтому и обречемся/ добродетелью христианской любви/... будем любить друг друга/ и этим/ мы/ покажем что мы являемся/ действительно/ последователями/ Христовыми/...** (36D).

В специальной литературе, посвященной проблеме русской императивной парадигмы, существуют разные точки зрения относительно статуса форм «совместного действия». Вслед за А. В. Немешайловой, Е. Н. Зарецкой, В. С. Храковским, А. П. Володиным мы относим формы 1 лица множественного числа к императиву (см.: Немешайлова 1961; Зарецкая 1976; Русская грамматика 1982; Храковский, Володин 1986), принимая уточнение А. В. Исаченко, что в данном случае речь идет об императиве в широком смысле, поскольку специфика этих форм состоит в том, что они обозначают действие, «в котором будет участвовать и сам говорящий» (Исаченко 1960, 487).

Особенностью представленных в проповедях аналитических форм «совместного действия», которые совпадают с формами простого будущего времени (для глаголов совершенного вида) и настоящего времени (для глаголов несо-

вершенного вида), является отсутствие постфикса *-те*, считающегося грамматическим показателем повелительного наклонения у этих глагольных форм (Русская грамматика 1982, 622), например: ... **вот дорогие мои братья и сестры/... простим/ друг другу/ примирившись друг с другом/ с собой в своей совести/ и с Богом/ начнем подвиг поста/...** (11F); ...**мы должны ум свой/ собирать в слова молитвы/ и чтобы у нас было покаянное чувство/ читаем молитву/ с покаянным чувством/ до самой смерти/...** (38С).

Что же касается синтетических форм «совместного действия», то они встречаются в проповедях в двух вариантах: либо совпадают с формами сложного будущего времени (*будем помнить, будем надеяться, будем молить Господа*), либо образуются сочетанием частицы *давайте* с инфинитивом глагола несовершенного вида (*давайте замечать*). Следует отметить, что в Русской грамматике 1980 года указывается на большую употребительность последнего способа образования синтетических императивных форм 1-го лица множественного числа (Русская грамматика 1982, 622). Однако в противоположность этому утверждению в проповедях наблюдаются лишь единичные случаи использования сочетаний «*давайте* + инфинитив» при высокой частотности форм «совместного действия», совпадающих со сложным будущим временем. На наш взгляд, причиной тому является семантический компонент «приглашение к действию», который привносится в императивную форму частицей *давай(те)*. В контексте взаимоотношений пастыря и прихожан, где совместность действий – факт, а не одна из возможностей коммуникации в широком смысле слова, этот оттенок значения аналитической формы повелительного наклонения становится

избыточным, что приводит к перемещению сочетаний «давайте + инфинитив» на периферию императивной парадигмы проповеди.

Наши подсчеты обнаруживают, что в речи проповедников формы 2-го лица множественного числа и «мы»-формы используются примерно в равных долях. Представляется, что такая распространенность последних не случайна по ряду причин. Во-первых, категория «мы» занимает особое место в православной культуре, отражая основную идею православия – идею соборности – целостного сочетания «свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям» (Хомяков 1982, 34). Во-вторых, широкое использование императивных форм «совместного действия» наряду со «специальными» формами 2-го лица множественного числа служит передаче в проповеди сложного характера речевого взаимодействия пастыря и его прихожан.

Существует точка зрения, согласно которой в православной проповеди священнослужитель и верующие выступают как равноправные речевые партнеры (Михальская 1996, 59–68). Однако, по нашему мнению, описание взаимоотношений субъекта и адресата проповеди как субъект-субъектных и симметричных не является полным и исчерпывающим. Представляется, что в проповеди иерархию отношений участников коммуникации целесообразно рассматривать в двух плоскостях – вертикальной и горизонтальной. В данном случае мы принимаем во внимание онтологическую структуру составляющего основу религиозного общения евангельского диалога, которая содержит помимо двух бытийных позиций говорящего и слушающего, третью – божественную позицию: «Где двое или

трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 20).

Рассмотрение отношений проповедника и его слушателей по вертикали, вершина которой – Всевышний, позволяет констатировать отсутствие субординативных отношений между субъектом речи – пастырем и адресатом. Храм, в котором звучит проповедь, воплощает собой общий Дом церковного братства, где снимается противопоставление «коллектив – я», где царит дух соборности.

Вместе с тем соборность и церковность не устраняют наличие иерархии, поскольку настоятель прихода, оставаясь членом церковного братства, выступает в роли духовного отца для своих прихожан. В этом случае можно говорить о горизонтальной плоскости отношений «проповедник – паства». Они определяются нами как субординативные, асимметричные, что находит отражение в дидактичности, поучительной направленности речи проповедника.

Существование в речевом взаимодействии пастыря и прихожан иерархии и равноправия объясняет использование в проповеди форм 2-го и 1-го лица множественного числа: глагольные формы «совместного действия», позволяющие пастырю подчеркнуть единство между собой и аудиторией, являются языковым выражением равноправности позиций субъекта речи и ее адресата в литургическом монологе священника; императивные формы 2-го лица множественного числа, выражая волю говорящего, уточняют позицию субъекта речи как активную, доминирующую и выступают маркером иерархических отношений между пастырем и его слушателями.

Кроме названных форм, для выражения значения побуждения к действию в субъектно-речевой сфере проповедника

употребляются соединения спрягаемой формы глагола в 3-м лице единственного числа с синтаксическими частицами 'пусть' и 'да', например: ...**пусть** у вас на душе **будет** светло/ и радостно/... (1L); ...**это вот/ да будет/** уроком для всех/... (35D); ...**сей день/ воскресения Христова/ да пусть будет** для нас/ днем днем радости/... (36D).

88

Как известно, эти формы, выражая побуждение к действию, адресованное 3-му лицу, к объекту речи, содержат в себе экспрессивные оттенки допущения, разрешения, запрета или даже пожелания, выражаемые с помощью модальных частиц (Виноградов 1986, 483). В проповеди высказывания, имеющие в своем составе императивные аналитические конструкции 3-го лица, наряду со значением пожелания приобретают эмоционально-экспрессивную окраску торжественности, приподнятости благодаря использованию усилительной частицы *же*, а также стилистически маркированных грамматических форм и инверсии. Ср.: ...**пусть будет** тепло/ мирно/ и светло/ в ваших семьях/... (1L); ...**пусть же утвердятся/ храм сей/ силою Божиею/ молитвами Церкви/ и трудами народными/...** (19L).

В ряду «небесспорных» императивных форм, употребляемых в проповеди, можно назвать также императивные конструкции с формами сослагательного наклонения, которые эксплицируют в речи пастыря семантику желательности, например: ...а мы **бы/ предоставили** Ему место/ жить у нас в сердце/ в нашем сознании/ в нашем отношении/ Христовой любви/... (3F). Как считают некоторые исследователи, близость семантики «желания» и «побуждения» позволяет использовать аналитические формы сослагательного наклонения для выражения «побуждения» как актуализации «жела-

ния» (Храковский, Володин 1986, 205–206). Разделяя мнение А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина о том, что в данном случае эти формы употребляются в переносном значении, близком к семантике повелительного наклонения (Бондарко, Буланин 1967, 130–131), отметим стилистическую оправданность использования в проповедях форм сослагательного наклонения со значением императива. Смягчая категоричность волеизъявления, они принимают участие в создании особой, доверительной, лишенной диктата тональности литургического слова проповедника.

Семантику побуждения к действию передают в проповеди и конструкции с инфинитивом, например: ...**это/ также и нам хороший урок/ не быть** самонадеянными/ **не идти** навстречу/ искушениям и опасностям/ если только надеемся/ на свои собственные силы/... (35D). Здесь реализуются возможности модального употребления инфинитива в функции повелительного наклонения, о которых писал еще В. В. Виноградов в «Грамматическом учении о слове», исходя из того, что «инфинитив потенциально содержит в себе отношение к лицу» (Виноградов 1986, 490). Относя представленные в нашем материале конструкции с инфинитивом к числу императивных, отметим, что в проповеди инфинитив в значении императива употребляется при выражении запрета на действие и усиливает категоричность волеизъявления.

Итак, в состав императивной парадигмы проповеди входят формы 2-го лица множественного числа; синтетические и аналитические формы 1-го лица множественного числа (формы «совместного действия»); аналитические формы 3-го лица единственного числа в сочетании с частицами *пусть* и *да*; аналитические формы сослагательного наклонения; фор-

мы инфинитива. Преобладание «небесспорных» форм выражения семантики императива приводит к тому, что в целом волеизъявление в субъектно-речевой сфере проповедника носит некатегоричный характер, а доминирующими оттенками побуждения становятся пожелание, совет, увещание, призыв.

Анализ звучания проповедей, в противоположность молитвенному чтению, обнаруживает активное участие просодии в экспликации императивных значений, варьирование интонационного оформления высказываний с императивами. При этом в проповедях интонацией передаются как содержательные, так и эмоционально-экспрессивные оттенки значения повелительности. В одних случаях в звучании эксплицируется разная степень категоричности волеизъявления – требование, усиленное требование (призыв), смягченное требование (совет, пожелание), в других – подчеркиваются эмоционально-экспрессивные компоненты значения – торжественность, приподнятость, подбадривание, назидательность.

Стремление просодическими средствами максимально актуализировать императивные значения, выраженные лексически и грамматически, отражает, на наш взгляд, характерное для современного языкового сознания рациональное восприятие мира человеком, важнейшим признаком которого является аналитизм.

Так, основное значение императива – требование, побуждение к действию, передается в проповедях интонацией, которая отличается понижением тона и усилением словесного ударения на вершинном гласном синтагмы (н'). При этом глагольная императивная форма либо выделяется в отдельную синтагму, либо

становится вершинным словом синтагмы, например: ...*Верни^Hтесь/ опять на эти слова^B/...* (38С); ...*Облеки^Hтесь/ в милосе^{BH}рдие/ бла^{BH}гость/...* (35D).

Семантика побуждения к действию, выраженная в высказывании морфологическими средствами, может усиливаться интонационным оформлением. В этом случае в проповедях используются:

а) увеличение громкости произношения вершинного слова императивной синтагмы с возможным акцентным выделением слов в довершинной части, например: ...*За^Bповедь/ но^H вую даю вам / да лю^Hбите/ друг дру^{BH}га/ как я^C возлюбил вас/...* (37D); ...*Наипаче же/ облеки^Cтесь в любо^Hвь...* (35D);

б) послоговое произнесение императивных форм, подчеркивающее информативную значимость скандируемого слова, например: ...*значит, и к на^Hм обращено это слово / Мужа^Hйтесь / Я победи^Bл / ми^Hр/...* (10P);

в) двувершинная интонация с восходяще-нисходящим движением тона. Например, в следующем фрагменте этой интонацией подчеркивается императивное значение призыва, выраженное глагольными формами повелительного наклонения: ...*да зна^Bют Тебя^H / еди^{BH}ного / и^Bстинного Бо^Hга / и по^{BH}сланного Тобою / Иису^Bса Христа^H /...* (10P).

Анализ показывает, что наряду с усилением значения побуждения интонационное оформление высказываний, содержащих морфологические показатели императивности, может передавать оттенки некатегоричного, смягченного волеизъявления, которое в зависимости от лексического значения глагола и контекста может конкретизироваться либо как совет, либо как пожелание. Акустически эти значения передаются в основном повышением тона на вершинном гласном

синтагмы с его последующим понижением на заударном слоге, например: ... *Господь говори^Hт/ Не ве^{BH}рьте им/...* (35D); ...*подели^{BH}тесь радостью/ своей душевной сердечной радостью со своими бли^Hзкими/...* (1L).

Однако значение смягченного волеизъявления могут эксплицировать и другие модификации мелодического контура, например, двувершинные интонации, характеризующиеся плавным повышением мелодики, с небольшим интервалом движения тона, в довершинной части синтагмы и понижением тона на вершинном слоге, которое может сопровождаться усилением ударения: ...*пребу^Bдьте во Мне^H/ и Я^B в ва^Hс/...* (5P).

Отметим, что плавные мелодические охваты в пределах двувершинной синтагмы снижают выделенность в сообщении главного, что приводит к смягчению семантики императивности, грамматически выраженной в высказывании.

Наряду с актуализацией в побудительных предложениях частных значений императива, интонация, как показывают наблюдения, участвует в передаче эмоционально-экспрессивных оттенков волеизъявления, среди которых наиболее частотными для литургического слова пастыря являются оттенки торжественности и пояснения.

Императивные высказывания с оттенком приподнятости, торжественности органичны в контексте проповеди, которой, по словам о. Павла Флоренского, свойственна «высота содержания с соответствующей тому восторженностью речи и многообъятностью мысли» (Флоренский 1995, 147). Акустически это значение выражается в проповеди восходящим мелодическим контуром и изменениями в артикуляции вершинных

гласных звуков. Так, например, особый для проповеди торжественно-распевный оттенок речи создается сочетанием трех средств суперсегментного уровня – восходящей мелодикой, растяжкой вершинных гласных и усилением напряженности артикуляции при произношении гласных вершинного слова синтагмы, например: ...*Пусть же утверди^Bтся/ Хра^Hм сей/ силою Бо^Bжиею/ моли^Cтвами Це^Bркви / и труда^(B)ми наро^Hдными/ пусть будет / живы^(B)м / свиде^Bтельством / наро^Bдам / о Христе^B/...* (19L).

Другим эмоционально-экспрессивным значением императивных высказываний, которое эксплицируется интонационными оформлением, является оттенок втолковывания, разъяснения. Такая конкретизация семантики побуждения актуализирует дидактическую направленность пастырского поучения.

Названный эмоционально-экспрессивный оттенок возникает в проповеди благодаря артикуляционным модификациям вершинных гласных в интонациях побуждения, а именно: удлинением ударного гласного вершины, либо его растяжкой в сочетании с изрезанностью мелодического контура в пределах ударного звука. Например: ...*Святые отцы^H говорят/ Чита^Hй молитву/ все равно^H/...* [38C].

Итак, благодаря интонационному оформлению в речи проповедника становятся преобладающими такие значения побуждения, как совет, пожелание, призыв; усиливается оттенок приподнятости, возвышенности побудительных высказываний; актуализируется дидактический характер и диалогическая направленность слова пастыря, что составляет специфику современной православной проповеди как разновидности духовной речи.

*summary***Σ On Imperative Paradigm in Modern Religious Speech**

The article is devoted to an arrangement of an imperative paradigm in the text of sermon and prayer and comparison of their prosodic patterns.

The attention is focused on the analysis of imperative forms that are widely used in the texts of prayers: imperative of the 2nd person singular and combinations of inflective forms of the verb in the 3rd person singular followed by a syntactic particle *da*.

Canonical prayer declamation traditionally emulates pronunciation typical of Ecclesiastical-Slavonic sacred texts. As it follows from the analysis of canonical prayer discourse semantics of the imperative (an appeal for action) and its specifications that are viewed as significant for the text of prayers (i.e. litany, orison, supplication, wish) are not usually explicated with the means of prosody. The deviation from the canonical prayer prosody resembles the declamation style, it is characterized by a sequential pattern of intonation, which helps to convey the content meaning of the imperative and its parts.

The asemantic intonation pattern of the prayer phonation is explained by its discursive environment – hypercommunication aimed at perception of the sacred Word from the Saviour.

The study of the sermon imperative forms paradigm has shown that its wider than that of the religious prayers in general and includes forms of the 2nd person plural; synthetic and analytical forms of the 1st person singular (collateral acts); analytical forms of the 3rd person singular followed by the particles *pust'*, *da*; analytical forms of conjunctive mood, some forms of the infinitive. A non-canonical form of prosody predominates while expressing the semantics of imperative and it results in the change of the dominant pattern; the encouragement of a preacher sounds equivocal, with request, advice, admonition, appeal as the coloring of the volition.

The analysis of the sermon phonation helped to discover some prosodic specifications in the explication of imperative meanings, variations of the intonation patterns in the imperative utterances which differ from the general style of prayer phonation. Intonation patterns assist in presentation of conceptual meaning and emotional-expressive shades of volition. In some cases the phonation was noted to present different degrees of unequivocal volition – claim, appeal (strong demand), wish (soften demand), in others the emotional-expressive meaning was expressed – solemnity, elation, invigoration, moralization.

91

Принятые сокращения и знаки интонационной транскрипции

- 1L – *Рождественская проповедь* патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Запись от 06. 01. 1996.
- 3F – *Сретенская проповедь* митрополита Волгоградского и Камышинского Германа. Запись от 14. 02. 1996.
- 5P – *Слово о Боге-Троице* митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла. Запись от 17. 02. 1996.

- 10P – Слово о любви к Богу митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла. Запись от 24.02.1996.
- 11F – Проповедь о Прощеном воскресенье митрополита Волгоградского и Камышинского Германа. Запись от 25.02.1996.
- 19L – Слово на пасхальной вечере в храме Христа Спасителя патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Запись от 14.04.1996.
- 35D – Проповедь о борьбе с искушениями архимандрита Кирилла (Павлова) Запись 1991 года.
- 36D – Слово на Пасху архимандрита Кирилла (Павлова). Запись от 17.04.1994.
- 37D – Проповедь об истинном посте архимандрита Кирилла (Павлова). Запись от 15.08.1993.
- 38C – Проповедь о молитве Иисусовой священника Амвросия (Юрасова). Запись от 22.03.1993.
- 59M – Молитва Боже, милостив будь ко мне, грешному (молитва мытаря).
- 61M – Молитва Боже, очисти мя грешного... (молитва Макария Великого).
- 69R – Молитва Во причастие святых Твоих... (тропарь, глас 8-й).
- 121S – Молитва Господи, помилуй.
- 126L – Молитва Господи, спаси нас.
- 141C – Молитва Дай мне, Господи....
- 214T – Молитва Не отвержи мене от Лица Твоего... (канон из Последования ко Святому Причащению, глас 2-й, песнь 1-я, припев).
- 242N – Молитва Отче наш...
- 242R – Молитва Отче наш...
- 266F – Молитва Премудрость Пресвятая Богородице, спаси нас.
- 272M – Молитва Пресвятая Троице, помилуй нас...
- 272R – Молитва Пресвятая Троице, помилуй нас...
- 291M – Молитва Святый Боже, Святый крепкий...
- 339J – Молитва Храни вас всех Господь.
- / – граница синтагмы.
- V – повышение тона на ударном гласном вершинного слова.
- Н – понижение тона на ударном гласном вершинного слова.
- PC – ровный средний тон на ударном гласном вершинного слова.
- PB – ровный высокий тон на ударном гласном вершинного слова.
- BN – повышение тона на ударном гласном с последующим понижением мелодики (до нижнего уровня диапазона) на заударных гласных вершинного слова синтагмы.
- BC – повышение тона на ударном гласном с последующим понижением мелодики (до среднего уровня диапазона) на заударных гласных вершинного слова синтагмы.
- NB – понижение тона на предвершинном гласном с последующим повышением мелодики на ударном гласном вершины синтагмы.
- Н' – понижение тона с одновременным усилением словесного ударения на вершинном слове синтагмы.
- (^o) – факультативная вершина синтагмы, выделяемая усилением словесного ударения.
- (V) – факультативная вершина синтагмы, выделяемая повышением тона.
- Выделение буквы полужирным курсивом – увеличение длительности гласных звуков.

Библиографический список

- Аверинцев 1971: **Аверинцев, С. С.** Греческая литература и ближневосточная словесность. (Противостояние и встреча двух творческих принципов). – In: Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. – Москва: Наука. – С. 210–246.
- Бахтина 1998: **Бахтина, О. Н.** Феномен старообрядческой литературы в контексте христианского понимания Слова. – In: Вестник Московского государственного университета. – Сер. 9. – Филология. – № 4. – С. 66–76.
- Безяева 1998: **Безяева, М. Г.** Вариативный ряд конструкций русской просьбы. – In: Вестник Московского государственного университета. – Сер. 9. – Филология. – № 1. – С. 71–89.
- Безяева 2002: **Безяева, М. Г.** Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском языке. – Москва: Изд-во Московского университета. – 752 с.
- Бондарко, Буланин 1967: **Бондарко, А. В., Буланин, Л. Л.** Русский глагол. – Москва: Просвещение. – 191 с.
- Брызгунова 1967: **Брызгунова, Е. А.** Интонация и смысл предложения. – In: Русский язык за рубежом. – № 1. – С. 35–40.
- Вербицкая 1964: **Вербицкая, Л. А.** Мелодика побудительных предложений в русском языке. – In: Вопросы фонетики. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та. – С. 24–36.
- Виноградов 1986: **Виноградов, В. В.** Русский язык: (Грамматическое учение о слове). – 3-е изд., испр. – Москва: Высшая школа. – 640 с.
- Гарцов 1997: **Гарцов, А. Д.** Взаимодействие интонационных и лексико-грамматических средств языка при выражении побудительности разной степени прагматического воздействия на адресата. – In: Фонетика в системе языка. Сб. ст. – Вып. 1. – Москва: Изд-во рудн. – С. 72–77.
- Желающему поступить в монастырь 1996: **Желающему поступить в монастырь.** – Москва: Отчий дом. – 63 с.
- Зарецкая 1976: **Зарецкая, Е. Н.** Формы повелительного наклонения в русском языке. – In: Филологические науки. – № 3. – С. 47–55.
- Исаченко 1960: **Исаченко, А. В.** Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. – Братислава. – Ч. 2. – 577 с.
- Королева 1989: **Королева, Т. М.** Интонация модальности в звучащей речи. – Киев; Одесса: Выща школа. Головное изд-во. – 147 с.
- Куссе 1995: **Куссе, Х.** Истина и проповедование. «Живое слово» архиепископа Амвросия (Ключарева, 1820–1901) и соотношение между гомилетикой и риторикой. – In: Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и в языке. – Москва: Наука. – С. 78–85.
- Лотман, Успенский 1973: **Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А.** Миф – имя – культура/ – In: Труды по знаковым системам. – т. VI. – Тарту. – С. 282–303. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та: Вып. 308).
- Мечковская 1996: **Мечковская, Н. Б.** Социальная лингвистика. – Москва: Аспект Пресс. – 207 с.
- Михальская 1996: **Михальская, А. К.** Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. – Москва: *Akademia*. – 192 с.
- Немешайлова 1961: **Немешайлова, А. В.** Повелительное наклонение в современном русском языке. – Пенза. – 27 с.

ОЛЬГА А. ПРОХВАТИЛОВА

- Потапова 1997: **Потапова, Р. К.** Коннотативная паралингвистика. – Москва: Триада. – 69 с.
- Прохватилова 1999: **Прохватилова, О. А.** Православная молитва и проповедь как феномен современной звучащей речи. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета. – 364 с.
- Прохватилова 2000: **Прохватилова, О. А.** О гиперкоммуникации в современной духовной речи. – In: Мир Православия: Сб. науч. ст. – Вып. 3. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета. – С. 280–295.
- Прохватилова 2007: **Прохватилова, О. А.** Православная молитва как один из ядерных жанров религиозного стиля. – In: Stil. – Beograd. – № 6. – С. 153–166.
- Русская грамматика 1954: Грамматика русского языка: В 2 т. – Москва: Изд-во АН СССР, 1954–1960.
- 94** Русская грамматика 1980: Русская грамматика: В 2 т. – Москва: Наука.
- Типология 1992: Типология императивных конструкций. – СПб.: Наука. – 301 с.
- Трубецкой 1900: **Трубецкой, С. Н.** Учение о Логосе в его истории. Философско-исторические исследования. Т.1/ – In: Учен. зап. имп. Московского ун-та. – Отдел историко-филологический. – Вып. 27. – Москва.
- Флоренский 1995: **Флоренский, П. А.** Иконостас. – М.: Искусство. – 254 с.
- Хомяков 1982: **Хомяков, Д. А.** Православие. Самодержавие. Народность. – Монреаль.
- Храковский, Володин 1986: **Храковский, В. С., Володин, А. П.** Семантика и типология императива: Русский императив. – Ленинград: Наука. – 272 с.
- Цеплитис 1974: **Цеплитис, Л. К.** Анализ речевой интонации. – Рига: Зинатне. – 272 с.
- Musdienu 1959 – Musdienu latviesu literaras valodas grammatika. 1 sej. Riga.